

Доктор филологических наук, профессор Н.Н.Широбокова — воспитанница и представительница новосибирской лингвистической научной школы¹ и ученица одного из ярких лидеров и основателей этой школы Е.И.Убрятовой, выдающегося тюрколога с широким кругом интересов и знаний. Но прежде, чем коснуться научной деятельности Е.И.Убрятовой и осветить научные изыскания Н.Н.Широбоковой, что является основной целью данной статьи, хочется изложить свое видение деятельности новосибирской школы в связи с её непосредственным влиянием на развитие якутского языкознания.

I

Новосибирская лингвистическая школа имела огромное, а по некоторым отраслям нашей науки (например, в экспериментальной фонетике) решающее значение в изучении языков аборигенов Сибири. Даже изучение таких языков, как якутский и бурятский, которым заложены дореволюционные академические традиции, под влиянием Новосибирской школы обрело новое дыхание: появились не известные ранее научные направления.

Так, следует считать, что в Советском Союзе социалингвистика как теоретическое и практическое направление исследования языковой ситуации среди сфер функционирования языков, результатов языковых контактов по-настоящему развернулась в новосибирской лингвистической школе замечательными теоретическими трудами и широкомасштабной организационной деятельностью крупного учёного, члена-корр. АН СССР В.А.Аврорина. Именно на основе традиции, заложенной Валентином Александровичем, ныне в Бурятии появились специалисты высокого класса, доктора наук по социалингвистике. В Республике Саха (Якутия) традиция эта продолжается также достаточно успешно. Направление получило поддержку Президента РС(Я), своим указом создавшего Совет по языковой политике при Президенте РС(Я) и центр по языковой политике в Институте гуманитарных исследований АН РС(Я) (ныне сектор социалингвистики в ИГиИПМНС СО РАН). Совет по языковой политике объединяет ведущих ученых-лингвистов, методистов, представителей педагогических наук, передовых учителей, членов правительства. Эти два органа работают слаженно и становятся влиятельной силой. Проводятся многочисленные конференции, круглые столы, различные мониторинги и полевые обследо-

* Публикуется впервые. — П.С.

дования, издано множество полезных социолингвистических сборников и монографических работ. Однако, к большому сожалению, социолингвистические полевые обследования и сбор материалов ныне не проводятся со столь широким размахом, как это было при В.А.Аврорине. Кроме того, очень не хватает тех масштабных данных, собранных в 60–70-х гг. XX в., которые могли выступить в качестве исходных и воочию показать конкретную динамику социолингвистических изменений языковой ситуации по языкам Сибири за последующие десятилетия.

Материалы этого широкомасштабного социолингвистического предприятия все же частично были опубликованы² Обобщение этого материала было осуществлено самим В.А.Аврориным* и издано в виде обоснования теоретических положений в его замечательной книге³.

Огромную и уникальную работу провела Лаборатория экспериментально-фонетических исследований (ЛЭФИ) во главе с крупным специалистом по общей и экспериментальной фонетике, монголистом и тюркологом, светлой и обаятельной личностью В.М.Наделяевым⁴. Благотворное и повсеместное влияние деятельности ЛЭФИ испытывали почти все сибирские языковеды, даже независимо от того, занимались ли они лично в ЛЭФИ или нет.

Необходимость в экспериментально-фонетических исследованиях звуковых систем языков Сибири обусловлена, помимо огромного научно-теоретического интереса, практикой создания письменности для бесписьменных языков. В этом отношении яркий культурно-исторический образец — это создание письменности для бесписьменного долганского языка, с помощью которой развивается долганский литературный язык, обслуживающий нужды долганских школ и других культурно-просветительских учреждений**.

* В целом высокую оценку «результатов группы В.А.Аврорина» с изложением цифровых данных (также извлеченных из других источников) с аналитическим обзором методологических и теоретических положений Аврорина дал Н.Б.Вахтин в своей интересной работе «Языки народов Севера в XX веке». Очерки языкового сдвига. — СПб., 2001. — С. 88–102.

**Кстати сказать, некоторые якутские языковеды, в особенности диалектологи, считают язык долган диалектом якутского языка на том основании, что весь строй языка долган является по их мнению, якутским и между долганами и якутами в общении никаких затруднений нет. Это не совсем так, ибо долганские школы не могут работать на якутском литературном языке. Но главное даже не в этом. Сами долгане считают свой язык самостоятельным, отличным от якутского и себя считают отдельным этносом (народом) хака, в отличие от саха-якутов. Подобное этническое и языковое самосознание имеет решающее значение в определении статуса языков.

Деятельность ЛЭФИ является очень продуктивной. В основном только за 1970 гг., по неполным данным, ее сотрудники издали свыше 150 работ⁵, среди которых многие экспериментально-фонетические исследования якутского языковед И.Е.Алексеева, очень продуктивно работавшего в ЛЭФИ под руководством своего учителя В.М.Наделяева. И.Е.Алексеев издал многочисленные статьи и одну за другой — четыре добротные монографии⁶, защитил кандидатскую и докторскую диссертации, обосновал и разработал новое направление в якутском языкознании — синтаксическую фонетику.

И.Е.Алексеев считает, что экспериментально-лингвистический метод, включающий в себя серию методик, формировавшихся в ЛЭФИ ИИФФ СО РАН, сыграл ведущую роль при написании всех его работ⁷. Он также неоднократно подчеркивал, что обобщенной теоретической основой его монографии являются типы высказываний в якутском языке, имеющие семантический центр — предикатное ядро (предикатный узел, названный так его учителем В.М.Наделяевым) — структура S-P в ее лингвистическом истолковании⁸.

Лаборатория экспериментальной фонетики, которая после некоторого перерыва вновь возрождается в Якутском госуниверситете во главе с профессором И.Е.Алексеевым, фактически можно назвать дочерним научным подразделением ЛЭФИ (конечно, не забывая вклад в это дело проф. Н.Д.Дьячковского).

Успешно проходила школу ЛЭФИ и научный сотрудник якутского ИЯЛИ эвенкийка Т.Е.Андреева, защитившая диссертацию, подготовившая несколько монографий по экспериментальной фонетике эвенкийского языка⁹.

Учениками и воспитанниками новосибирской лингвистической школы являются многие ученые Якутии, ныне успешно работающие по различным направлениям якутского языкознания и изучения языков народов Севера.

Как пишут ученики В.М.Наделяева, выполненное по единой методике объективное исследование языков различной типологии позволило коллективу лингвистов решить ряд проблем общей, экспериментальной и исторической фонетики¹⁰. Особенно интересными и оригинальными теоретическими идеями были насыщены труды самого Владимира Михайловича¹¹. Среди них — важнейшая для аборигенов Сибири и сопредельных регионов, по которым нет никаких ранних письменных свидетельств, теория артикуляционно-акустической базы (ААБ), которая позволяет заглянуть в глубокое историческое прошлое народов и их языков. По этому поводу следует привести выдержку из превосходной работы И.Я.Селютиной, которая предельно ясно говорит об этом. Она пишет: «По В.М.Наделяеву, ААБ — это система про-

износительных навыков по совокупности с их акустическими эффектами. ААБ свойственна не языку, а определенному этносу, т.е. племен, народности, нации. ААБ складывается у этноса на самой ранней стадии его формирования. В процессе исторического развития этнос может последовательно переходить на другие языки в результате разнообразных контактов с другими этносами, вплоть до полного слияния с другим этносом. Но если данная этническая общность все же сохранила свою компактность, не рассеялась территориально, то она сохраняет в существенных чертах и свою артикуляционно-акустическую базу, что объясняется относительной автономностью звуковой системы в языке. При этом изначально свойственная данному этносу ААБ при переходе его на другой язык принципиально меняет звуковую систему каждого усвоенного данной этнической общностью нового для нее языка. Таким образом, этнос, усвоив новый язык, но сохранив свою ААБ, создает новый диалект этого усвоенного им языка с модифицированной фонетикой; диалекты в большей мере различаются фонетически, нежели лексически. Стереотип артикуляционно-акустической базы как системы произносительных навыков, видоизменяясь, передается, тем не менее, в своих существенных чертах из поколения в поколение. Эта особенность закрепления ААБ у носителей языка позволяет использовать ее в совокупности с данными исторических дисциплин в качестве источника при реконструкции древнейших этногенетических процессов, что особо важно для истории народов Сибири, не оставивших письменных памятников. Особенно надежным и информативным историческим источником является ААБ этносов, проживающих в городах или глухой тайге, т.е. в условиях относительной изоляции народов, замкнутого ведения хозяйства и, следовательно, относительной консервации языков, сохранивших в своих звуковых системах древнейшие черты.

Использование артикуляционно-акустической базы в качестве исторического источника позволило В.М.Наделяеву выдвинуть и обосновать ряд гипотез применительно к этногенезу народов Сибири и сопредельных регионов.

1. Массовое экспериментально-фонетическое исследование артикуляционных навыков, свойственных носителям современного монгольского языка, дает основание предположить, что монголы центральных аймаков МНР — древние тюрки по происхождению. ААБ современных халха-монголов — это преобразованная (не ранее XI в.) ААБ древних тюрков с тройным противопоставлением согласных звуков по степени мускульного напряжения речевого аппарата: сильные / слабые / сверхслабые.

2. Якутская народность складывалась на Средней Лене на базе этнического слияния древних тюрков (курыкан) с монголами (киданиями) в XI–XII вв.

3. Эвены как этнос мигрировали в XI–X вв. н.э. из Прибайкальско-Енисейского региона на северо-восток, усвоив в ходе миграции новый для себя тунгусоманьчжурский язык, проявив в нем свою ААБ, для которой характерна фарингализация гласных, что резко отличает ААБ современных эвенов от ААБ других тунгусоманьчжурских народностей.

4. Артикуляционно-базовые признаки позволили высказать гипотезу о существовании в составе древнего алтайского лингвистического союза более молодого (I–XII вв. н.э.) циркумбайкальского языкового союза с выделением в нем байкало-саянского подсоюза с характерной для него фарингализацией гласных и алтае-саянского подсоюза языков со свойственными им системами согласных, обусловленными субстратами самодийского типа.

5. Тофы и тувинцы в СССР, а также уйгуро-урянхайцы в МНР имели иной этнический субстрат, нежели северные алтайцы (кумандинцы, чалканцы, туба); северные алтайцы близки по своим ААБ к самодийским и обским уграм — языки тюркские, а ААБ во многом самодийская¹².

К сожалению, широкую и всестороннюю разработку теории ААБ В.М.Наделяев не успел довести до логического завершения. Сама теория, очевидно, нуждается в подкреплении и дальнейшем развитии на основе все новых и новых экспериментально-фонетических исследований различных языков, фактов исторической этнографии и сравнительно-исторических данных. Ученики В.М.Наделяева и, в первую очередь, достойная его ученица И.Я.Селютина, зав. ЛЭФИ, доктор филологических наук, в своих многочисленных экспериментально-фонетических работах и в конкретных сравнительных сопоставлениях, привлекая историко-этнографические данные и, главное, огромное количество тончайших экспериментальных данных, сумела показать правомерность теории ААБ как важнейшего историко-лингвистического источника. Вместе с тем она раскрыла исторически сложный характер ААБ современных языков Южной Сибири, где происходили неоднократное переплетение, трансформации различных ААБ. В этом отношении прекрасная обобщающая работа И.Я.Селютиной «Фонетика языка кумандинцев как историко-лингвистический источник (экспериментально-фонетическое исследование)» (Якутск, 2000), безусловно, является весомым вкладом в дальнейшее развитие теории ААБ и образцом ее применения как историко-лингвистического источника. По существу труды ЛЭФИ, связанные с разработкой теории и ти-

пологии ААБ, являются надежным объективным научным обоснованием довольно старой теории субстрата и суперстрата, и в этом их принципиальная научная ценность.

На основе капитальных трудов Е.И.Убрятовой по синтаксису якутского языка возникла известная новосибирская научная синтаксическая школа. В синтаксической концепции Е.И.Убрятовой огромное значение имеет наличие формально противопоставленных финитных и нефинитных глагольных показателей. Нефинитные глагольные формы обладают предикативной силой, но они принимают не только показатели, выражающие их внутренние связи, но и содержат аффиксальные показатели зависимости, выражающие синтаксические отношения между разными предикативными единицами. Поэтому в трудах Е.И.Убрятовой такое значительное место занимает анализ глагольных форм, особенно причастных и деепричастных. Именно структура предикативного узла (причастно-падежные, причастно-последовательные, деепричастные формы) становится в дальнейших исследованиях основой формальных классификаций сложноподчиненных предложений в тюркских языках¹³.

Предикативное склонение в якутском синтаксисе, открытое Е.И.Убрятовой, имеет принципиальное теоретическое значение¹⁴. Теория Е.И.Убрятовой легла в основу анализа полипредикативных конструкций в разных языках алтайской языковой группы. Исследование материалов алтайского, хакасского, бурятского, эвенкийского, тувинского и других языков, проведенное лингвистами новосибирской синтаксической школы, показало, что «предикативное склонение — ведущий системообразующий элемент алтайского гипотаксиса»¹⁵.

В одной из своих работ Н.Н.Широбокова пишет: «Происхождение якутского языка — одно из наиболее разработанных направлений в исторических исследованиях Е.И.Убрятовой, к этой теме она возвращалась в течение всей своей жизни. Она показала, как в результате взаимодействия древнего тюркского языка, близкого к языку орхонских текстов, с другими древними тюркскими языками через длительное двуязычие с каким-то монгольским языком и в результате распространения этого языка в тунгусоязычной среде складывается современный якутский язык со всеми его особенностями»¹⁶. Это один из основных выводов Е.И.Убрятовой о происхождении якутского языка. Исторические взгляды Е.И.Убрятовой отличались широтой и разнообразием, строились на основе привлечения и разработки разнохарактерных фактов и имели большую обобщающую силу, простираясь вплоть до истории формирования тюркских языков вообще. Все это очень подробно, с привлечением конкретных фактов, с исчерпывающей полнотой раскрыто в работах Н.Н.Широбоковой, к которым мы отсылаем читателей¹⁷.

II

Еще в начале 60-х гг. XX в. по инициативе В.М.Жирмунского возникла идея создания диалектологического атласа тюркских языков в СССР (ДАТЯ). В апреле 1972 г. на очередном совещании диалектологов с участием представителей 15 союзных и автономных республик было решено проводить работу по четырем зонам в три этапа по 1980 г. Однако в дальнейшем работа над ДАТЯ была выполнена только в четвертой, сибирской, зоне под руководством Е.И.Убрятовой¹⁸. Собранный большой диалектологический материал по специальному вопроснику с помощью сотрудников всех тюркологических НИИ и ряда вузов Сибири, вместе со своими учениками, и в первую очередь с Н.Н.Широбоковой, Елизавета Ивановна подготовила к печати карты ДАТЯ, но, к сожалению, Атлас до сих пор не издан. Вместе с тем некоторые сибирские тюркологи, хотя и нерегулярно, пользуются его данными. Так, Н.Н.Широбокова сумела эффективно использовать часть собранного материала и опубликовать ряд работ, весьма интересных в историческом отношении и с точки зрения контактов тюркских и нетюркских языков в отдаленном прошлом¹⁹. Из этих работ приведем некоторые интересные положения.

Как известно, в тюркских языках существует большая группа слов, выступающих в разных огласовках по ряду, но имеющих одно значение. В вопроснике ДАТЯ на это явление дано 12 слов, еще три привлечены как дополнительный материал из раздела «Лексика». Это соответствия по гласным твердого и мягкого ряда, в основном, соответствия межъязыковые. Путем анализа изоглоссов этих слов по всем тюркским языкам Сибири автор приходит к следующим примечательным выводам.

При рассмотрении полученного материала выделяются три зоны:

1) в первую входят якутский и долганский языки. Эта зона характеризуется: а) отсутствием перехода твердоядных гласных в мягкие; б) сохранением твердоядных вариантов, встречающихся в древних (преимущественно орхонских) памятниках; в) наличием твердоядных вариантов, соответствующих мягкорядным вариантам древних памятников, но имеющих твердые соответствия в ряде тюркских языков (желт. уйг., чув., туркм., тур.); г) наличием твердоядных вариантов, не имеющих соответствия ни в древних, ни в живых тюркских языках;

2) нейтральная зона, в которую входят тувинский язык, некоторые диалекты алтайского, шорского и хакасского языков. Вокализм этих языков совпадает с исходным вариантом;

3) зона, в которую входят диалекты сибирских татар, чулымских тюрков, тофский язык и кызыльский диалект хакасского языка, харак-

теризуется переходом твердоядных слов в мягкорядные. Изменение это непоследовательно, но одна тенденция выделяется четко — число мягкорядных вариантов увеличивается по мере продвижения на запад.

В якутском языке твердоядными оказываются слова *ас* (*баттах*), *ас*, *уос*, *быс*, *тыл*, *сун* (*ньолах туу*), *обус*, *тох*—; *унуох* и др. При этом устанавливается, что в словах *обус* 'бык', *тох* 'лить', 'сыпать', *сун* 'шерсть', *унуох* 'кость' твердоядные варианты представлены только в якутском или якутском и долганском языках и исходными являются именно эти твердоядные варианты. Из анализа изоглоссы по материалам ДАТЯ делается вполне правомерный вывод: «То, что якутский язык в ряде случаев имеет более древнюю твердоядную форму, подтверждается материалами древнетюркских памятников (*тыл*, *сун*, возможно, *обус*). Это позволяет предположить, что якутский язык, рано оказавшись в изоляции, не подчинился более поздней тенденции к опереднению и сохранил более древнюю огласовку и в других случаях (*унуох*, *тох*— и др.). В пользу этого предположения говорит и тот круг языков, в которых встречаются твердоядные варианты: чувашский, желто-уйгурский и др.»²⁰.

В одной из работ из цикла ДАТЯ очень верно замечено: «Методика лингвистической географии, применяемая к тюркским языкам Южной Сибири, открывает интересные направления для изучения истории формирования их языков. Систематическое обследование определенной территории всегда сопровождается и открытием новых фактов и формированием новых подходов к уже давно известным явлениям»²¹.

И действительно, в этих работах Н.Н.Широбоковой, связанных с анализом данных ДАТЯ, результаты, добытые прежними исследователями (и в том числе якутскими) получают новую, более глубокую интерпретацию, обрастают новыми фактами по ДАТЯ и историческими выкладками компаративистского характера. Это хорошо видно, например, по работе «Некоторые особенности тюркских языков Сибири в «ДАТЯ СССР»²². На материале ДАТЯ здесь обсуждаются такие важные проблемы исторической фонетики тюркских языков Сибири, как отражение твердоядных и мягкорядных вариантов; соответствие огубленных ~ неогубленных гласных, возникающих в результате различных фонетических процессов, но главным образом связанных со становлением современной гармонии гласных; характер и закономерности употребления долгих гласных. Особенно интересным является анализ колебаний по подъему (широко распространенные межъязыковые и междиалектные соответствия широких и узких гласных типа *a — ы*, *э — и*, *о — у*, *ө — у*). В работе обсуждается сложная проблема определения фонетического или морфологического характера выде-

ляемых вариантов аффиксов, которые формально могут совпадать, но принадлежать к разным типам склонения. Автор выделяет четыре наиболее часто встречающихся типа присоединения аффиксов к основе. Из них второй способ характерен для огузского типа склонения, когда в зависимости от окончания основы употребляются консонантические или вокалические варианты аффиксов. В сибирских тюркских языках этот тип встречается только в якутском языке: вин.пад. *таба+ны* 'оленья', *обо+ну* 'ребенка', *бөрө+ну* 'волка', но *ат+ы* 'коня', *эт+и* 'мясо', *бөбү* 'мусор'. Далее приводится совершенно резонное замечание: «Даже если аффиксы, присоединяемые по второму типу, являются исторически также фонетическими вариантами, то сейчас это уже обособившийся и морфологически закрепившийся тип склонения и его нельзя объединять с вторичными вокально-начальными аффиксами, которые образуются в результате живых фонетических процессов, протекающих в этих языках в настоящее время»²³.

В работах Н.Н.Широбоковой, связанных с ДАТЯ, большое внимание уделено лексике. Хотя лексический материал сравнительно небогатый, но изоглоссы всех слов с их синонимами даны по всем языкам Сибири, а также и по другим тюркским языкам и представляют в историческом отношении весьма интересную картину. По характеру изоглоссы 20 якутских слов, собранных по вопроснику ДАТЯ, разделены на четыре группы: 1) специфическая якутская лексика — изоглосса охватывает только якутские и долганские пункты; 2) якутско-огузские изоглоссы; 3) якутско-кыпчакские изоглоссы и 4) якутско-сибирские изоглоссы. Примечательно то, что в первую группу входят 12 из 20 рассматриваемых слов, и, как замечает автор, «это само по себе говорит о большом своеобразии якутского языка»²⁴. Это лексемы: *суус* 'лоб', *куобах* 'заяц', *сахсырба* 'муха' (сопоставляется к др.т. *чэкурга* 'саранча, кузнечик' (ср. осм. *чабыртба*), *бэс* 'сосна', *алтан* 'медь' (предполагается возможное влияние тунгусоманьчжурских языков — у дальневосточных эвенков и в негидальском *алтан* означает 'медь', старинное значение 'золото' сохранилось в якутском фольклоре), *суорумньу* 'сват, сваха, сватание' и др.

Из других многочисленных названий зайца якутский язык сохранил слово *табысхаан* в наиболее древней форме. Слово это считается огузским, а другое слово *хотонох* в VIII в. определено как кыпчакское. Н.Н.Широбокова, ссылаясь на М.Ряшенена, пишет, что всем древним памятникам кыпчакских языков известно это слово, в то время как ни в рунических, ни в уйгурских текстах оно не встречается²⁵. Принимая во внимание фонетический облик слова *хотонох*: закономерное появление *-m-* в соответствии с общетюркским *-й- ~ -m- ~ -д- ~ -з-* — автор предполагает, что это слово говорит о каких-то древних якутско-кыпчакских контактах²⁶.

Во второй группе выделяются три слова, которые связывают якутский и огузские языки: *табысхаан* (см. выше), *бул* 'находить' — встречается в старейших текстах, а из живых языков — только в турецком, гагаузском, караимском и якутском, во всех остальных языках — *тап* / *таб*. *Ынах* 'корова' связывает якутский язык не только с юго-западными (огузскими) языками, но и с сибирскими.

Условно выделяются также якутско-кыпчакские изоглоссы: 'муравей' — вариант слова *хумурса* образует обширный ареал кыпчакских языков, в том числе сибирских тюркских языков — чулымский, хакасский, тувинский, тофский, теленгитский, шорский, якутский языки. В якутском языке слово имеет форму *кымырдабас*. *Бөрө* 'волк' было отмечено в китайских источниках V–VI вв. Ареал распространения слова *бөрө* / *бөрү* очень велик и в том числе во всех тюркских языках Сибири. Другое название волка — курт, характерное для современных огузских языков уже в словаре М. Кашгарского имело помету *огузское*.

Можно согласиться с утверждением автора о том, что примеры эти свидетельствуют скорее не о якутско-огузских или якутско-кыпчакских контактах, а о длительной изоляции якутского языка от тюркского типа, так как эти особенности сформировались как огузские или кыпчакские уже позже на западе, далеко от мест обитания якутов²⁶. Можно допустить также и то, что якутский язык и здесь, может быть, сохранил следы смешанного «доогузо-кыпчакского пратюркского состояния», сохранившиеся, следы которых, как полагают, в таких относительно изолированных языках, как саларский, якутский, чувашский²⁸.

Попытки выделения общесибирских изоглосс по материалам ДАТЯ с включением якутского материала привели исследователя к выводу, что в данном случае якутско-сибирская общность выражается, скорее, в отсутствии каких-либо общетюркских слов, например: 1) отсутствие одного из элементов пары: 'борода' — 'усы'; отсутствие общетюркского *оз* в значении 'сам'; 2) отсутствие общетюркского *йаз* в значении 'писать'. Однако, разумеется, это означает отсутствия лексем, присущих только тюркским языкам Сибири, в том числе и якутскому. Так, Наталья Николаевна, на основании изысканий В.И. Рассадина и своих разработок, приводит примеры, где встречаются якутские и южносибирские параллели. Например: *бэс* 'сосна' (ср. *мөш* (алт.), *бөш* (тоф.), *пөш* (тув. 'кедр')), *туорах* 'древесная шишка' (ср. *тоорук* (тоф. тув. *тоорук*)), *үүс* 'рысь' (ср. *үс* во всех сибирских яз.), *мэччиргэ* 'сова' (ср. *мечиртке* алт. 'сова'), *эһир* 'аист' (ср. *эсир* тоф., *эзир* (тув. 'орел'), *бил* 'таймень' (ср. *бел* алт., тоф., тув., *нил* хак., *пел* шорск. 'таймень') и т.д., и т.п. — всего около 90 слов, из которых явные якутские параллели имеют 26 лексем.

Значительную часть этой лексики, как правомерно считает автор, составляют слова, заимствованные из монгольских, самодийских, енисейских языков. Однако часть этого общего лексического слоя, как предполагает В.И. Рассадин, может быть остатком именно того древнетюркского языка (языков), который был воспринят местными аборигенными племенами (уграми, самодийцами, кетами). В пользу своего предположения В.И. Рассадин указывает на тот факт, что многие из этих слов бытуют и в якутском языке. По его мнению, якуты могли привнести их на Лену со своей старой родины, Присаянья и Прибайкалья, «где были, вероятно, тесно связаны с рассматриваемым ареалом тюркских языков»²⁹.

III

Кратко коснемся последних монографических трудов Н.Н. Широковой.

В работе «Историческое развитие якутского консонантизма» (Новосибирск: Наука, 2001. — 152 с.) с привлечением большого разнообразного материала в сравнительно-историческом плане исследованы процессы формирования состава и системы консонантов якутского языка, выделены основные этапы ее развития. Впервые достаточно убедительно обоснованы следующие этапы развития фонологической системы согласных якутского языка:

1. На первом этапе древнеякутский язык имел звуковую систему, близкую, но не тождественную той, которая зафиксирована в древнейших рунических памятниках;

2. Второй этап характеризуется развитием тенденции к ослаблению напряженности, что проявляется в позиционном озвончении в периферийных группах смычных шумных, распаде системы несмычных нешумных в интервокальной позиции;

3. Третий этап связан с действием субстрата во время пребывания якутов на территории циркумбайкальского языкового союза: это переход *c* → *h* → *o*, *й* → *c* → *ч* и изменения дистрибуции заднеязычных и увулярных согласных;

4. Период перестройки системы согласных под влиянием якутско-монгольского двуязычия на территории современной центральной Якутии: 1) формирование оппозиции шумных по звонкости-глухости в анлауте и инлауте в группе центральных согласных как результат изменения правил сочетаемости согласных на морфемных швах и в неразложимых основах; 2) завершение распада группы несмычных нешумных согласных в ауслауте; 3) формирование группы среднеязычных согласных: *ч* — *дь* — *нь*.

5. Этап изменений, связанный с действием тунгусского субстрата, переход *-c-* → *-h-*, формирование территориальных особенностей в

системе консонантизма: 1) переход вторичного *c* → *h*; 2) ослабление процесса спирализации в системе заднеязычных и увулярных; 3) формирование локальных особенностей ассимиляции групп согласных в основах³⁰.

В заключительной части книги формируется существенное уточнение, связанное с первым, древнеякутским, этапом развития фонологической системы согласных якутского языка и представляющее собой попытку, посредством новых подходов, заглянуть в глубь истории якутского языка. Обосновав переходный характер праякутской и древнетюркской консонантных систем, автор считает убедительной гипотезу о существовании на более ранних стадиях развития тюркских языков тричной оппозиции шумных. «При таком подходе, — пишет Наталья Николаевна, — древнетюркский оказывается весьма далек от праязыкового состояния, это один из вариантов развития пратюркской системы. Ближе к нему, но сохраняя некоторые более древние черты, стоит праякутский». Положение это, как подчеркивает автор, согласуется с мнением «такого великолепного знатока древних и современных тюркских языков, как С.Е.Малов, который считал, что якутский по некоторым его особенностям древнее языка древнетюркских текстов³¹. А молодой якутский языковед Г.Г.Левин, ученик проф. Н.К.Антонова, специализирующийся в древнетюркских рунических памятниках, в своем исследовании приходит к следующему выводу: «...якутский язык имел наиболее тесный контакт с орхонско-тюркским в праязыковой и позднепраязыковой этапы. В древнетюркский период эволюции тюркских языков орхонско-тюркский и якутский языки не были в тесном контакте, который бы интерпретировал происхождение якутского языка от языка орхонских тюрков»³². Тут происходит некая подмена понятий, но автор, освещавший проблему с иных позиций, по существу прямолинейно выразил почти аналогичную идею.

Начало второго этапа изменений консонантной системы якутского языка имеет четкую территориальную локализацию. Здесь на большом, хорошо подобранном материале убедительно показано, что эти изменения начинаются в период контактного развития якутского языка с другими тюркскими языками Сибири.

С помощью довольно сложной системы аргументации показано, что на современном этапе якутский язык, по системе соответствий исторически связанной с языками типа А (уйгуро-урянхайскими), перешел в другое качество, совпав с языками кыпчакскими типа Б. В нем стало развиваться озвончение шумных согласных в интервокальной позиции и в позиции после сонорных на морфемных швах. Это изменение быстрее развивается в группах периферийных согласных: губных и гуттуральных. По этому признаку якутский сближается с та-

кими сибирскими языками, как алтайский, хакасский, шорский, чумыско-тюркский. Также очень интересными являются изменения, происходившие с начальными согласными аффиксов. Так, например, якутский язык первоначально имел формы с *м*-, который сохранился в ряде аффиксов (*ылыма*, *барымына*, *барымаары*). Затем якутские аффиксы изменились так же, как южносибирские и киргизские. Вообще, по характеру изменения *м* в аналауте слов и аффиксов якутский оказался в одной группе с другими тюркскими языками Сибири и киргизским языком.

Чтобы определить отношение фонологической системы древнеякутского языка к системе древнетюркского, предпринимается достаточно убедительная интерпретация последней и после этого делается следующее заключение:

1. Древнетюркская система характеризуется наличием в аналауте только глухих согласных за исключением *б*, отсутствием оппозиции шумных в аналауте и ауслауте. По этим параметрам древнетюркская система оказывается весьма близкой к якутской системе (учитывая происходившие впоследствии в якутском языке изменения). Следовательно, близость фонетической системы якутского языка к кыпчакским языкам в то же время является и близостью якутского языка к языку древнетюркских орхонских памятников;

2. Якутский язык обнаруживает более древние глубинные связи с языками уйгуро-урянхайскими. На более позднем этапе развития связь между качеством гласного и согласного, присущая языкам уйгуро-урянхайской группы, в якутском реализуется в качестве гласного (долгота). Дальнейшее развитие согласных протекает так же, как в языках кыпчакской группы (озвончение шумных в интервокальной позиции и в позиции после сонорных)³³;

3. Третий этап связан с действием субстрата во время пребывания якутов на территории циркумбайкальского языкового союза: это переход *c* → *h* → *o*, *й* → *c*-, *ч* → *c* и изменения дистрибуции заднеязычных и увулярных согласных.

В якутоведении и тюркологии эти изменения трактуются по-разному, территориальная локализация также неоднозначна. Но нам импонирует дополнительная аргументация автора, по которой эти изменения, во-первых, явно домонгольского времени (за исключением, быть может, особой дистрибуции заднеязычных и увулярных, впрочем, трактовка автором происхождения этого явления также не исключается). Во-первых, переход тюркского *ч* в *c*, объясняемый качеством субстрата, воспринявшего тюркский *ч* как проточного: «Характерной особенностью тунгусо-маньчжурских языков является очень краткий второй целевой компонент аффрикат, поэтому тюркская аффриката могла

быть воспринята как щелевой звук. Доказательством этого служит то, что удвоенное *-чч-*, которое отличается значительным удлинением фазы выдержки, в *с* не переходит»³⁴.

Следующий этап связан с перестройкой системы согласных под влиянием якутско-монгольского двуязычия на территории современной Центральной Якутии. Все эти изменения имеют место в якутском языке и действительно связываются с якутско-монгольским длительным двуязычием, хотя тут имеются различные колебания и исключения. Последние обычно связываются с разновременными влияниями и разными монгольскими и тюркскими источниками влияния. Однако в монголо-якутских взаимоотношениях все еще много неясного и спорного вплоть до вопроса, пребывали или нет монголоязычные этносы на территории Центральной Якутии (см. позицию проф. Н.Е.Петрова в статье «Актуальные проблемы...» в настоящем сборнике). Поэтому автор правильно и своевременно делает акцент на дополнительных фактах, свидетельствующих об этом монголоязычных хоро и дагур, что согласуется с последними исследованиями историков (см. работы А.И.Гоголева)³⁵.

Возможные изменения, связанные с действием тунгусского субстрата, обычно предполагают более разнохарактерные явления. И в своей работе Наталья Николаевна также предполагает «неизвестный тунгусо-маньчжурский язык (языки)», который сыграл существенную роль в перестройке фонетической системы якутского языка домонгольского времени: исчезновение анлаутного *с*- через ступень *h*-, дезаффрикатизацию *ч*, особую дистрибуцию заднеязычных и увулярных, отличающую якутский от всех других тюркских языков³⁶. Как известно, Е.И.Убрятова также объясняла исчезновение тюркских проточных *з*, *ж*, *ш* и переход их в *с* влиянием тунгусо-маньчжурских языков.

Что касается очень хорошо разработанной темы о заднеязычных и увулярных согласных, то следует заметить, что щелевой вариант смычного глухого увулярного *х* /*q*/ был по существу впервые открыт Е.И.Убрятовой во время экспедиции в 50-х гг., и она научила лаборантов экспедиции различать эти звуки. Как верно заметила Наталья Николаевна, в маргинальных говорах (в частности, северо-восточной зоны, откуда родом пишущий эти строки) вместо увулярного *б* /*ɣ*/ почти всегда появляется *г* /*g*/, и это явление у якутов центральных районов и носителей литературного языка стойко связывается с влиянием эвено-эвенкийских языков.

В новой коллективной монографии ряд авторов пишет: «Оппозиция по работе голосовых связок выступает в качестве системообразующей для консонантизма тунгусо-маньчжурских языков, а из тюркских — для якутского и долганского. Релевантность признаков глухость/

звонкость в языках якутов /Дьячковский 1977/ и долган /Бельтюкова 1979, 1983/, вероятно, является результатом длительного контактирования предков современных якутов и долган с тунгусо-маньчжурскими этносами, подкрепленного затем влиянием русского языка»³⁷.

Солидный труд «Отношение якутского языка к тюркским языкам Сибири» (Новосибирск: Наука, 2005. — 269 с.), подготовленный на основе докторской диссертации, требует специального анализа. Однако в настоящее время нет возможности это осуществить, поэтому приходится ограничиться отдельными замечаниями, которые кажутся представляющими интерес не только для языковедов, но и других якутovedов, особенно этнографов, историков.

Прежде всего следует отметить очень обстоятельную историографическую базу, которая состоит из целого круга (почти исчерпывающего) отечественных и иностранных авторов с интересными комментариями. Она начинается с известной работы акад. В.В.Радлова, который считал, что якутский язык первоначально не был тюркским языком, и этот язык вначале омонголился, затем тюркизировался. Одно из свидетельств нетюркской основы якутского языка В.Радлов видел в том, как складываются правила употребления якутских заднеязычных и увулярных согласных, где закономерности сингармонизма были «навязаны чужому, нетюркскому языковому материалу». Второе положение, последовательно проводимое через всю работу, говорит о том, что большая часть аффиксов и фонетических преобразований якутского языка отражает поздний этап развития подобных форм, которого «не достиг еще никакой другой язык», т.е. якутский — молодой тюркский язык. Процесс тюркизации якутского языка был произведен языками типа уйгурского, алтайско-телеутского и абаканского. Однако, несмотря на ошибочность исходной концепции, как неоднократно подчеркивала Е.И.Убрятова, в анализе конкретного языкового материала В.Радлов внес много нового в историю якутского языка. И то, что он находил аналогии в истории конкретных форм в сибирских тюркских языках во многом имели основания, но, как показали Е.И.Убрятова и Н.Н.Широбокова и другие ученые, их происхождение, импульсы и природа были другие.

Наталья Николаевна подробно рассматривает историческую концепцию Е.И.Убрятовой, в целом солидаризуясь с системой ее взглядов. Затем рассматриваются подходы к освещению истории якутского языка в трудах якутских тюркологов: Н.К.Антонова, Л.Н.Харитоновой, Е.И.Коркиной, Г.Г.Филиппова, Г.В.Попова и других. Особо выделяются работы по якутской диалектологии Е.И.Убрятовой, М.С.Воронкина, П.П.Барашкова, П.А.Афанасьева, Е.И.Коркиной, С.А.Иванова. Очень высоко оцениваются работы С.А.Иванова по исторической ди-

алектологии, лингвистической географии. О его монографии «Центральная группа говоров якутского языка. Фонетика» (Новосибирск: Наука, 1993) делается весьма многозначительное заключение: «Эта работа совершенно по-новому позволяет подойти к истории формирования якутского этноса» (с. 23).

В специальном разделе анализируются взгляды на С.Калужинского и М.Стаховского на историю якутского языка. Исследования первого монгольских заимствований в якутском языке³⁸ задали систему определенной временной последовательности изменений в тюркском и монгольском слоях якутского языка. И это, действительно, очень важный аспект разработок С.Калужинского. В работе М.Стаховского, посвященной истории якутского вокализма³⁹, формирование вокалической системы прослеживается от позднетюркского состояния до современного якутского. Наталья Николаевна представила все содержание монографии М.Стаховского в обобщенной компактной таблице (с. 24–26). При этом делается интересное предположение относительно происхождения якутских первичных дифтонгов, обычно возводимых к долгим гласным. При этом остается нерешенным вопрос о причине их перехода в дифтонги. Наталья Николаевна полагает, что важнейшим фактором послужил процесс появления вторичных дифтонгов. Но первой причиной появления дифтонгов могло быть влияние еще неопределенного палеоазиатского субстрата — восходящие дифтонги представлены в языке юкагиров.

В специальном разделе рассматриваются труды К.Шёнига, работающего продуктивно, но малоизвестного якутским языковедам. Он сравнивает якутский язык со всеми тюркскими языками и устанавливает целую систему корреспонденций, хотя этот материал во многом не представляется абсолютно новым словом в якутоведении и тюркологии.

К.Шёниг разработал новую классификацию тюркских языков по ареальному принципу. Автор выделяет якутский и долганский в отдельную группу, называемую им *Lena Turkic*. Якутский язык, как и другие периферийные тюркские языки, сохраняет некоторые древнетюркские элементы, и в этом отношении автор сближает его с чувашским языком (и это сближение прослеживается во многих его работах). Так, например, в якутском и чувашском языках сохранились слова, более характерные для древнетюркских языков: *ташик* > як. *табыс*, чуваш. *тух-*; *элиг* > як. *илии*, чув. *ала*. Сближает эти два языка то, что они отделились от других тюркских языков до того, как герундий на *-л* занял центральное место в системе деепричастий. К.Шёниг также сближает якутский с языками Южной Сибири, кыпчакскими. Так, например, якутский язык, подобно восточной группе языков, не

включается в некоторые инновационные преобразования, не меняет показателя мн.ч. *-z* в аффиксе принадлежности 2-го л. мн.ч. на *-лар*, это, по его мнению, подтверждает, что восточно-тюркский ареал сформировался после того, как якуты его покинули. Якутский — единственный из современных тюркских языков, который не создал новой формы настоящего времени, а использует форму аориста. Автор находит поразительную черту якутского и кыпчакских языков — сохранение интервокального глухого *-m* и озвончение *-n* и *-k* в этой же позиции.

К.Шёниг неоднократно подчеркивает, что якутский сохраняет многие черты древних языков, но очень важным считает выяснение степени общности с языками саянскими и кыпчакскими. Эта общность выявляется в заимствовании из самодийских и монгольских языков, развитии общих фонотактических закономерностей, возможно, возникших до формирования саянской общности. Особенно очевидной представляется связь между якутским и тофским языками, подтверждаемая использованием глагола *кын-* 'делать' в образовании сложных глаголов и наличием частного падежа с формально идентичным др. тюрк. местно-аблативному суффиксу *-qa*.

Как видим, в работах К.Шёнига весьма интересны акценты, расставляемые им, и смелые, далеко идущие выводы. Нам следует поближе познакомиться с трудами этого тюрколога.

Представляет безусловный интерес раздел «Тюркские языки Сибири в классификациях тюркских языков». Здесь обсуждаются классификации Н.А.Баскакова и последние по времени — А.М.Щербака, К.Шёнига, Л.Иохансона и схема Т.Текина.

В классификации А.М.Щербака якутский язык с долганским выделяется в отдельную группу, так как он «резко отличается от остальных тюркских языков и фонетическими и морфологическими особенностями и составом лексики». Л.Иохансон выделяет шесть ветвей тюркских языков, среди которых северо-восточная — язык сибирских тюрков, которая делится на подгруппу: северо-восточная-северная-северная сибирская группа — якутский и долганский языки. Связи якутского языка с древними языками, с языками маргинальными, по терминологии К.Шёнига, *non-normal turkic*, гораздо шире связей с языками сибирского ареала (и это видно из вышеприведенного краткого обзора его работ, предпринятого Н.Широбоковой).

В работе «Тюркские языковые типы в сибирском ареале по историческим данным» нас интересует прежде всего курыканская проблема, которая ныне трактуется отнюдь неоднозначно. Наталья Николаевна обобщила сведения о курыканах и делает вывод: предком якутского языка был тюркский язык племенного союза уч-курыкан, что ныне настойчиво отстаивается проф. Н.Е.Петровым.

Самым интересным с точки зрения ранней истории якутского языка является его отношение к древнетюркским языкам и в исторической ретроспективе — к языкам тюркских языков Южной Сибири. Эта проблема, как известно, всегда занимала Е.И.Убрятову и проходит, как говорится, красной нитью через всю работу Наталии Николаевны. Развивая взгляды Е.И.Убрятовой по этой узловоей проблеме, Н.Широбокова убедительно доказывает, что древнетюркская орхонская система является базовой для якутского языка, а в южно-сибирских языках представлена отдельными периферийными формами. В то же время древнеуйгурские компоненты в якутском также занимают достаточно важное системное место. Так, якутский язык унаследовал уйгурскую форму на *-гу*, которая стала ядерной в поле будущего времени. К древнеуйгурской форме *-йук* Е.И.Убрятова возводила якутское утвердительное наклонение *-быһык* и наклонение обычно совершаемого действия *-ааччык*.

Как показала Е.И.Убрятова (и это подтверждается автором настоящей работы), тесная связь якутского языка с языками орхонских и уйгурских памятников особенно ясно прослеживается в системе причастий. Это было, очевидно, древнеорхонское время, и, как предполагает Наталья Николаевна, «тот древний тюркский язык, который лег в основу якутского, включал черты, ставшие позднее признаками разных тюркских языков» (с.247), и это были языки орхонских тюрок и древнеуйгурский, а затем уже киргизский, из которого Е.И.Убрятова выделяла ряд вторичных причастных форм, объединяющих языки Южной Сибири, киргизский и якутский (об этом см. с. 58).

Однако во время того мощного уйгурского влияния, которым был перекрыт древнетюркский слой на территории Южной Сибири, якутов там уже не оказалось. Этот уйгурский язык, который воздействовал на южно-сибирских тюрок, но влияния которого избежали якуты, привнес в тувинский и хакасский языки особую форму принадлежности 2-го л. мн.ч. *-нлар*, которая не отмечена в якутском, и вытеснил форму на *-дук* формой на *-йук*. Автор предполагает, что также под влиянием этого языка в тувинском сформировалась падежная система уйгуро-кыпчакского типа. С этим уйгурским влиянием связывается также выпадение плавных *л* и *р* в тувинском и хакасском языках (с.246). Было бы интересно точнее определить это время периода уйгуров в Южной Сибири, которые уже не застали там якутов.

В якутском языке отсутствуют вторичные причастные формы, созданные на базе причастия на *-ган*, что еще раз подчеркивает его раннюю изоляцию от других тюркских языков Сибири (с. 21). В целом кыпчакизация (вторичная?) языков Южной Сибири под влиянием киргизского, очевидно, не коснулась якутского языка.

Что касается причастных форм *-а илик*, *-ааччы*, являющихся общесибирскими изоглоссами, то появление первого рассматривается как результат влияния древнекыргызского языка или «контактного развития древнекыргызского и древнеякутского языков на каком-то ограниченном этапе» (с. 82).

Вторая форма — в якутском языке это основа для наклонения обычно совершаемого действия, в других языках — это периферийная, субстантивированная глагольная форма. По происхождению она может быть возведена к тюркской модели, включающей причастие будущего времени на *-чу* и падежного аффикса *-чы*. Вслед за С.Калужинским автор предполагает, что эта форма переименована из монгольских языков.

Третьей изоглоссой является форма на *-эр+ī d/is*, которая является южно-сибирской, и она не представлена в якутском языке.

Эти общесибирские изоглоссы, противопоставляющие сибирские языки другим (или большинству) тюркским языкам, сформированы в результате наличия общего субстрата, общего внешнего влияния (как правило монгольского) и «общих суперстратных элементов, связанных с древнекыргызским языком (хотя эти же элементы можно трактовать и как результат монгольского влияния)» (с. 91). И в том и другом случаях подобные изоглоссы, надо полагать, выступают как явление древнейшей поры в истории сибирских тюркских языков.

Н.Н.Широбокова обратила внимание на очень существенный факт наличия в якутском языке этимологически однокоренных слов и это, действительно, является ярким доказательством его смешанного характера и то, что якутский язык прошел через несколько этапов развития фонологической системы. Это обстоятельство специально разбирается на убедительных языковых фактах как представляющее большой интерес и для лексикологии и истории языка (с. 77–82).

Одним из результатов изысканий Н.Н.Широбоковой является то, что она более убедительно, чем другие тюркологи (напр. Н.З.Гаджиева, О.А.Мудрак, К.Шёниг и др.) на языковых фактах показала очень важный исторический момент: исследование якутского языка помимо своей абсолютной ценности дает точку отсчета для измерения исторической глубины и направленности языковых преобразований в других тюркских языках. Ранняя изоляция якутского языка, как она выражается, «законсервировала» черты и свойства, которые оказались затемненными в тех же древнетюркском и древнеуйгурском литературных языках из-за полиэтничности их носителей и в результате смешанного характера этих литературных языков уже на ранних этапах их истории. Дело в том, что субстратные и адстратные наслоения языков различного типа (напр. монгольские и тунгусоманьчжурские) доказательно

выявляются в процессе анализа, что позволяет «использовать реконструкт древнеякутского языка для сравнительной характеристики тюркских языков Монголии и Южной Сибири в период раннего средневековья и рассматривать языковые факты, не свойственные якутскому языку, как черты тюркских с другой этнической отнесенностью или более поздние по времени возникновения» (с. 62). Это положение автор выдерживает на протяжении всей работы.

Даже из небольшого отрывочного обзора некоторых работ Н.Н.Широбоковой видно, что она, развивая исторические концепции Е.И.Убрятовой, внесла значительный вклад в сравнительно-историческое изучение тюркских языков Сибири и особенно якутского языка. Её работы, безусловно, будут полезными и интересными и изучающим историческую этнографию якутов, так как многие выводы и положения работ Наталии Николаевны могут иметь вполне вероятные хронологические «привязки», о которых, к сожалению, не было возможности распространяться. Нам, якутским языковедам, необходимо очень внимательно изучить ее работы и на их основе (или отталкиваясь от них) наладить серьезное сравнительно-историческое изучение якутского языка по всем направлениям и уровням.

Июль 2008.

Литература

¹ Об этом см.: *Новосибирская лингвистическая сибиреведческая школа // Языки коренных народов Сибири*. Вып. 5. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. — С.3–15.

² См.: *Сбор и разработка материалов социолого-лингвистических исследований в Сибири*. — Новосибирск, 1969; Бадмаев А.Р. О современной языковой ситуации у бурят // *Исследования по языкам народов Сибири*. — Новосибирск, 1977. — С.3–16.

³ *Аврорин В.А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). — Л.: Наука, 1975. — С. 233–241, 251–256.

⁴ Об этом см.: *Селютина И.Я.* Экспериментально-фонетические исследования языков народов Сибири: итоги и перспективы // *Языки, культура и будущее народов Арктики*: Мат.междун.конф. — Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1994. — С. 49–51; *Селютина И.Я., Широбокова Н.Н.* В.М.Наделяев как исследователь языков Сибири // *Гуманитарные науки в Сибири*. Серия филологии. — 1997. — № 4. — С.120–123.

⁵ *Письменность народов Сибири: история и перспективы*. — Новосибирск, 1981. — С.16–29.

⁶ *Алексеев И.Е.* Вопросительное предложение в якутском языке. — Якутск, 1982; *Он же.* Ответный компонент диалога в якутском языке. — Новосибирск:

Наука, 1990; *Он же.* Побудительная фраза в якутском языке. — Новосибирск: Наука, 1990; *Он же.* Типология и структурно-коммуникативных и интонационных систем высказывания в якутском языке. — Алматы, 1994.

⁷ *Алексеев И.Е.* Вопросительное предложение... — С. 45.

⁸ *Алексеев И.Е.* Вопросительное предложение... — С. 45; *Он же.* Побудительная фраза... — С.38, 46; *Он же.* Типология... — С. 13–15.

⁹ *Андреева Т.Е.* Звуковой строй томмотского говора эвенкийского языка. — Новосибирск: Наука, 1988; *Она же.* Словесное ударение в эвенкийском языке. — Новосибирск: Наука, 2001; *Она же.* Принципы организации звуковой системы эвенкийского языка (в печати).

¹⁰ Об этом см.: *Селютина И.Я.* Экспериментально-фонетические исследования... — С. 48–49.

¹¹ *Селютина И.Я., Широбокова Н.Н.* В.М.Наделяев как исследователь языков Сибири // *Гуманитарные науки в Сибири*. Серия филологии. 1997. № 4. — С. 120–123.

¹² *Селютина И.Я.* Экспериментально-фонетические исследования... — С. 50.

¹³ *Широбокова Н.Н.* О некоторых направлениях исследований Е.И.Убрятовой... — С.266.

¹⁴ Об этом см.: *Филиппов Г.Г.* Предикативное склонение в якутском языке. — Якутск, 1989. — С.5, 7 (на як.яз.); *Он же.* Еще раз о склонении сказуемого // *Сб.науч.тр.* Серия филология. — Якутск: Изд-во ЯГУ, 1994. — С. 25–30.

¹⁵ *Широбокова Н.Н.* О некоторых направлениях исследований Е.И.Убрятовой... — С.266.

¹⁶ *Широбокова Н.Н.* Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири. — Новосибирск: Наука, 2005. — С.16.

¹⁷ *Черемисина М.И., Широбокова Н.Н.* Изучение языков малочисленных народов в секторе языков народов Сибири Института филологии СО РАН // *Гуманитарные науки в Сибири*. № 4, 1994. — С. 23; *Широбокова Н.Н.* История тюркских языков Сибири в трудах Е.И.Убрятовой // *Гуманитарные науки в Сибири*. № 4, 1997. — С. 61–70; *Она же.* Историческое развитие якутского консонантизма. — Новосибирск: Наука, 2001. — С. 7–20; *Она же.* Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири. — Новосибирск: Наука, 2005. — С. 9–22; *Она же.* О некоторых направлениях исследований Е.И.Убрятовой // *Подвижники Сибирской филологии* В.А.Аврорин. Е.И.Убрятова, В.М.Наделяев: Тез. Всерос.науч.конф. — Новосибирск, 2007. — С. 265–268. См. еще: *Ефремов Н.Н.* Е.И.Убрятова как автор (зачинатель) идеи о структурном моделировании грамматических конструкций // *Языки коренных народов Сибири*. Вып.5. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. — С. 27–33.

¹⁸ *Покровская Л.А.* В.М.Жирмунский и актуальные проблемы тюркологии // *Известия АН*. Серия литературы и языка. — 2002. — Т. 61. — № 3. — С. 64–69.

¹⁹ *Широбокова Н.Н.* Материалы сибирской зоны ДАТЯ (лексика) // *Языки и народы Сибири*. — Кемерово, 1978; *Она же.* Лексические изоглоссы в

«ДАТЯ СССР» // Диалектная лексика тюркских языков Сибири. — Новосибирск, 1987. — С. 3–63; *Она же*. Соответствия гласных твердого и мягкого ряда (по данным ДАТЯ Сибирь) // История и диалектология народов Сибири. — Новосибирск, 1979. — С. 60–85; *Она же*. Материалы ДАТЯ. Сибирь (соответствие широких и узких гласных) // Сибирский Диалектологический сборник. — Новосибирск, 1980. — С. 3–25; *Она же*. Некоторые особенности тюркских языков Сибири. — Новосибирск, 1986. — С. 132–149; *Она же*. Отражение языковых контактов в лексике тюркских языков Сибири // Языки коренных народов Сибири. — Вып. 14. — Новосибирск, 2004. — С. 4–21.

²⁰ *Широбокова Н.Н.* Соответствия гласных твердого и мягкого ряда... — С. 82–83; *Она же*. Некоторые особенности тюркских языков Сибири. — С. 132–134.

²¹ *Широбокова Н.Н.* Некоторые особенности тюркских языков Сибири... — С. 146.

²² *Там же*. — С. 132–149.

²³ *Там же*. — С. 145.

²⁴ *Широбокова Н.Н.* Отражение языковых контактов в лексике... — С. 9.

²⁵ *Там же*. — С. 10.

²⁶ *Там же*. — С. 11.

²⁷ *Там же*. — С. 15.

²⁸ *Гаджиева Н.З.* К вопросу о классификации тюркских языков и диалектов // Теоретические основы классификации языков мира. — М.: Наука. — С. 115.

²⁹ *Рассадин В.И.* Проблемы общности в тюркских языках саяно-алтайского региона / Тюркологический сборник, 1977. — М.: Наука, 1981. — С. 230.

³⁰ *Историческое развитие якутского консонантизма.* — С. 6–7.

³¹ *Там же*. — С. 130.

³² *Левин Г.Г.* Лексико-семантические параллели орхоно-тюркского и якутского языков (в сравнительном плане с алтайским, хакасским, тувинским языками). — Новосибирск: Наука, 2001. — С. 159–160.

³³ *Историческое развитие якутского консонантизма.* — С. 41.

³⁴ *Там же*. — С. 108.

³⁵ *Гоголев А.И.* Этническая история народов Якутии (до начала XX в.) — Якутск: Изд-во ЯГУ, 2004. — С. 93–94.

³⁶ *Широбокова Н.Н.* Историческое развитие якутского консонантизма. — С. 107.

³⁷ *Селютина И.Я., Уртегешев Н.С., Рыжикова Т.Р.* Типы вокальных и консонантных систем в Западно-Сибирском регионе. Раздел: экспериментально-фонетические данные по языкам народов Сибири как историко-лингвистический источник // Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири. — Новосибирск, 2005. — С. 19–20.

³⁸ *Kaluzynski St.* Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache. — Warszawa, 1961.

³⁹ *Stachowski M.* Geschichte des jakutischen Vokalismus. — Krakov, 1993.